

Шайхутдинова Анна Михайловна

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НАРРАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Статья посвящена анализу гендерных характеристик языковой личности нарратора. Предпринимается попытка выявить особенности письменной речи нарратора при ее передаче автором противоположного пола. Установлено, что женский нарратив, созданный автором-мужчиной, по совокупности признаков (в частности, в аспектах рациональности и уверенности) тяготеет к мужскому типу речи; выявлено значительное сходство мужского, женского и детского нарративов этого же автора в выборе лексико-синтаксических средств, что позволяет прийти к выводу об идиостиле.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 185-189. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 811.111-26

Статья посвящена анализу гендерных характеристик языковой личности нарратора. Предпринимается попытка выявить особенности письменной речи нарратора при ее передаче автором противоположного пола. Установлено, что женский нарратив, созданный автором-мужчиной, по совокупности признаков (в частности, в аспектах рациональности и уверенности) тяготеет к мужскому типу речи; выявлено значительное сходство мужского, женского и детского нарративов этого же автора в выборе лексико-синтаксических средств, что позволяет прийти к выводу об идиостиле.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; нарратор; автор; гендерная лингвистика; мужской/женский нарратив.

Шайхутдинова Анна Михайловна

*Набережночелнинский государственный педагогический университет
Anny281@mail.ru*

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НАРРАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Понятие «языковая личность» – комплексное, многогранное и является одним из центральных в современной лингводидактике. Е. В. Иванцова отмечает, что термин «языковая личность» «только начинает находить свое отражение в лингвистических справочниках», в связи с чем «отсутствует его единая трактовка» [2, с. 24]. Согласно определению, данному в «Новом словаре методических терминов и понятий», языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира)» [6, с. 47].

К анализу понятия языковой личности следует подходить с разных позиций. Одним из таких аспектов являются гендерные различия мужской и женской устной и письменной речи. Гендерная лингвистика, сравнительно новое направление в лингвистике, прошла свое развитие от этапа феминистской лингвистики до собственно гендерных исследований, изучающих проявление пола в языке.

За несколько десятилетий существования гендерных исследований были выявлены наиболее общие особенности мужской и женской речи. Как правило, при исследованиях гендера в лингвистике анализируется либо язык, то есть то, какое отражение различия пола находят в лексике, синтаксисе, грамматических категориях языка; либо же анализу подвергается мужская и женская речь, то есть различия в осуществлении живой коммуникации мужчинами и женщинами. Здесь необходимо упомянуть исследования Робин Лакофф, автора одной из первых работ в этом направлении, анализировавшей речевое поведение женщины, а также одну из наиболее известных в этой области работ Деборы Таннен – «Ты меня просто не понимаешь...», в которой автор также исследует тактики речевого поведения мужчин и женщин. Кроме того, стоит отметить работы П. Фишман, анализировавшей диалоги супружеских пар, и М. Хартман, изучавшей речь пожилых людей.

Несмотря на имеющийся набор проведенных исследований в области гендерной лингвистики, некоторые исследователи отмечают неполную сформированность в ней ряда значимых составляющих. Так, А. В. Кирилина отмечает «недостаточную разработанность понятийного аппарата и категорий» лингвистической гендерологии, что является характерной чертой «любого нового направления» [4]. И. Н. Кавинкина, в свою очередь, отмечает почти полное отсутствие исследований, посвященных построению письменных текстов мужчинами и женщинами [3]. Исключение составляют имеющие практическую направленность труды по криминалистической экспертизе. Их основной целью является выявление факта имитации речи противоположного пола. Здесь необходимо отметить работы Е. И. Горошко по судебно-автороведческой экспертизе, Е. И. Галяшиной в области криминалистического исследования речи, а также Т. В. Гомон и ее «Исследование документов с деформированной внутренней структурой».

В мужской письменной речи Т. В. Гомон отмечает частое употребление вводных слов со значением констатации («очевидно», «несомненно», «конечно»); употребление нецензурных слов как вводных и их однообразие. Женская письменная речь, по ее мнению, характеризуется наличием множества вводных слов, выражающих различную степень неуверенности и неопределенности («может быть», «по-видимому», «по-моему»); использованием коннотативно нейтральных слов и выражений, эвфемизмов («нецензурно выражался» вместо «матерился»; «в нетрезвом виде» вместо «пьяный»); большой образностью речи [1, с. 96-97].

Следует отметить, что некоторые из вышеуказанных признаков отмечаются и другими лингвистами. Так, например, Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Д. И. Шмелев, А. В. Кирилина говорят об использовании эмоционально-оценочных прилагательных в женской речи; Е. С. Ощепкова, занимавшаяся определением пола автора при искажении письменных текстов, также отмечает более высокую эмоциональность женской речи по сравнению с мужской [7, с. 102]. Кроме того, Т. Б. Крючкова, автор одной из первых отечественных работ, посвященных особенностям мужского и женского стилей письма, говорит о более частом использовании эллиптических предложений и конструкций в женской письменной речи по сравнению с мужской, что тоже указывает на более высокую степень эмоциональности женской речи [5].

В мужской речи, в частности, И. Н. Кавинкина, А. В. Кирилина отмечают рациональность и уверенность. К вышеперечисленным признакам можно добавить еще несколько существенных особенностей. Так, И. Н. Кавинкина говорит о преобладании причастных оборотов в мужской речи по сравнению с женской, что, очевидно, указывает на логичность речи [3].

Попытаемся на материале художественной литературы проследить следующее:

- проявляется ли имитация речи противоположного пола через чрезмерное использование психолингвистических признаков, характеризующих мужскую или женскую речь;
- приближается ли речь, передаваемая автором противоположного пола, к мужскому или женскому нарративу.

Таким образом, правомерно говорить о языковой личности нарратора, отражающей характеристики языковой личности автора.

Чтобы получить наиболее полную картину «повторяющихся признаков» мужского и женского нарратива и сделать наиболее обоснованные выводы относительно имитации речи противоположного пола, проведем анализ пяти случаев речи нарратора:

- и автор, и нарратор – мужчина;
 - и автор, и нарратор – женщина;
 - автор – мужчина; нарратор – женщина;
 - автор – мужчина; нарратор – ребенок;
 - автор – мужчина; нарратор – мужчина.
- } произведения одного автора (Ника Хорнби)

Сравнив выбранный набор признаков в женском, детском и мужском нарративах, необходимо проследить, являются ли выявленные особенности авторским стилем или объективным отражением речи нарратора. При этом так называемые «чистые» модели, то есть те, в которых пол автора и нарратора совпадает, будут служить «отправной точкой» для нашего анализа. Также необходимо отметить, что прямая речь нарраторов не включена в анализ, чтобы максимально объективно проанализировать гендерные характеристики языковой личности нарратора, а не автора.

В основу анализа легли наиболее «общепринятые» характерные особенности женской и мужской письменной речи: эмоциональность и неуверенность, с одной стороны, и логичность и уверенность – с другой. Мы попытаемся сравнить степень эмоциональности женской и мужской речи через анализ следующих лексико-синтаксических аспектов:

- образность речи;
- эллиптические предложения.

Степень рациональности и уверенности будет проанализирована через:

- наречия и фразы констатации и утверждения (*certainly, obviously, no doubt* и др.) или различную степень неопределенности (*perhaps, could be* и др.).

Степень логичности мы рассмотрим посредством:

- вводных слов, имеющих функцию «логического мостика» (*first of all, secondly, finally* и др.);
- причастных и деепричастных оборотов.

Также будет проанализирована степень корректности речи.

В качестве материала для анализа из художественной литературы нами взяты девять произведений современных британских авторов, в четырех из которых автором и нарратором выступает женщина (в общей сложности примерно 13 395 лексических единиц); в трех других автор и нарратор – мужчина (около 13 425 лексических единиц), еще в одном произведении автор романа – мужчина (Ник Хорнби), а повествование ведется от лица женщины (в общей сложности примерно 13 440 лексических единиц). И наконец, в последнем произведении (автор – Ник Хорнби) нарратор-ребенок (13 500 лексических единиц) чередуется с нарратором-мужчиной (13 500 лексических единиц).

Итак, анализ письменной речи нарратора на материале 9 художественных произведений современных британских авторов дал следующие результаты.

Проведенный анализ «чистых» моделей позволяет прийти к выводу о том, что женщины действительно гораздо чаще прибегают к использованию эллиптических конструкций и образности, что подтверждает мысль о более высокой степени эмоциональности женской речи: выявлено 156 случаев образности в женском нарративе относительно 102 случаев образной речи в мужском.

Частотность употребления вводных слов и наречий, выражающих высокую степень уверенности, действительно несколько выше в мужском нарративе (6 случаев у нарраторов-мужчин и 3 – у нарраторов-женщин). Женская же речь изобилует вводными конструкциями, выражающими различную степень неуверенности. Причем вводных слов со значением неуверенности у нарраторов-женщин значительно больше (21), чем вводных слов, выражающих констатацию, – в мужской (6).

Нарраторы-женщины, с одной стороны, не склонны прибегать к вводным словам, выражающим логическую последовательность, в отличие от нарраторов-мужчин (зафиксировано 10 случаев в речи нарраторов-мужчин и отсутствие таковых в женской письменной речи). С другой стороны, причастные и деепричастные обороты – еще один показатель связности, а следовательно, и логичности речи – гораздо более характерны для женской речи: употребляются чаще практически в два раза (167 относительно 85).

Таблица

<p>Рассказы с нарратором-мужчиной</p> <p>“The RMQ” («Премьер-министр», Р. Харрис [8, р. 71-86]); “Guy and Her Nonsense” («Иви и ее вздор», Дж. Коу [Ibidem, р. 29-45]); “Faith” («Вера», Н. Хорнби [Ibidem, р. 87-95]).</p>	<p>Рассказы с нарратором-женщиной</p> <p>“You Stayed Awake with Me” («Ты бодрствовал со мной», Х. Данмор [Ibidem, р. 46-56]); “The Bridge” («Мост», Дж. Галлоуэй [Ibidem, р. 57-70]); “Heron Cottage” («Домик цапли», Ш. Маккей [Ibidem, р. 108-116]); “My Mother, My Father and Me” («Мать, отец и я», К. Пуллинггер [Ibidem, р. 131-138]).</p>	<p>Роман автора-мужчины с нарратором-женщиной</p> <p>“How to Be Good” («Как стать добрым», Н. Хорнби [10]).</p>	<p>Роман автора-мужчины (Ника Хорнби)</p> <p>Нарратор-ребенок “About a Boy” («О мальчиках», Н. Хорнби [9]).</p> <p>Нарратор-мужчина</p>	
2	85	15	36	21
102	156	85	10	34
<p>6:</p> <p>(1) no doubt (несомненно) (1) certainly (конечно) (1) obviously (очевидно) (2) surely (несомненно) (1) indeed (безусловно)</p>	<p>3:</p> <p>(2) of course (конечно) (1) yes = of course («да» в значении «конечно»)</p>	<p>28:</p> <p>(1) obviously (очевидно) (1) needless to say (совершенно очевидно) (1) yes = of course («да» в значении «конечно») (1) not surprisingly (неудивительно) (2) apparently (по-видимому) (2) indeed (безусловно) (3) clearly (явно) (17) of course (конечно)</p>	<p>17:</p> <p>(4) obviously (очевидно) (6) of course (конечно) (4) apparently (по-видимому) (1) surely (несомненно) (1) must be (должно быть) (1) definitely (определенно)</p>	<p>22:</p> <p>(3) obviously (очевидно) (5) of course (конечно) (2) clearly (явно) (1) almost definitely (почти наверняка) (2) sure (2) surely (несомненно) (6) certainly (конечно) (1) likely (скорее всего)</p>
<p>2:</p> <p>(1) perhaps (возможно) (1) most likely (скорее всего)</p>	<p>21:</p> <p>(2) probably (возможно) (12) maybe (может быть) (1) presumably (предположительно) (1) could it be (неужели) (5) perhaps (вероятно)</p>	<p>6:</p> <p>(2) probably (возможно) (2) presumably (предположительно) (2) maybe (может быть)</p>	<p>22:</p> <p>(8) probably (возможно) (12) maybe (1) could be (1) might be (может быть)</p>	<p>28:</p> <p>(8) probably (возможно) (12) maybe (1) could be (1) might be (может быть) (6) possibly (возможно)</p>
<p>10:</p> <p>(2) accordingly (соответственно) (1) first (60-первых) (2) secondly (60-вторых) (3) thirdly (6-третьих) (1) fourthly (6-четвертых) (1) finally (наконец)</p>	<p>3:</p> <p>(1) last but not least (и последнее, но не менее важное) (1) eventually (в итоге) (1) afterwards (впоследствии)</p>	<p>3:</p> <p>(1) finally (наконец) (2) eventually (в итоге)</p>	<p>3:</p>	
85	167	51	29	48
	3	2	3	

И наконец, анализ не позволяет подтвердить теорию о корректности женской речи: зафиксировано 3 случая употребления вульгарной лексики в женском нарративе и отсутствие таковой в мужском.

Проведенный анализ трех нарраторов одного автора позволяет прийти к следующим выводам (при этом нарратор-мальчик и нарратор-мужчина – нарраторы одного произведения).

Речь нарратора-женщины Ника Хорнби в произведении “How to Be Good” («Как стать добрым») [10] по ряду характеристик приближается к мужскому нарративу. Так, неполных предложений, которые являются показателями эмоциональности, здесь существенно меньше, чем в проанализированных «чистых» моделях (15 к 85). Степень образности также в значительной мере уступает женскому нарративу авторов-женщин (85 относительно 156). Прослеживается более высокая степень уверенности, логичности и структурированности речи нарратора-женщины Ника Хорнби. Что касается корректности речи, в обоих случаях нарраторов-женщин количество вульгаризмов практически совпадает (3 случая употребления в «чистой» модели и 2 – у нарратора-женщины Ника Хорнби).

И наконец, сравнивая между собой трех нарраторов одного автора, необходимо отметить следующее.

Во-первых, можно сделать вывод, что четкой отнесенности к женскому или мужскому нарративу здесь не прослеживается. Так, в аспекте эмоциональности (эллиптические предложения) мужская и детская речь гораздо ближе к женскому нарративу, чем собственно женский. И наоборот, женский нарратив приближается к мужскому, в частности, в аспекте вводных слов констатации и утверждения, которых здесь значительно больше, чем слов, выражающих неуверенность (28 и 6 соответственно).

Единственным параметром, по которому женский нарратив Ника Хорнби по сравнению с его же мужским нарративом отвечает «общепринятым», наиболее частым характеристикам женского нарратива, является образность. Степень образности действительно значительно выше в женской речи (85 случаев относительно 34 в мужской речи и 10 – в детской). Однако, если сравнивать этот результат с результатами так называемых «чистых» моделей, то мы увидим, что в этом показателе «смешанная» модель уступает и мужскому нарративу (102 случая), и тем более женскому (156 случаев), то есть в данном аспекте женский нарратив Ника Хорнби также носит скорее «мужской» характер, чем «женский».

Стоит также отметить схожесть трех нарративов между собой в ряде анализируемых характеристик. В частности, это сходство можно проследить в схожести набора вводных слов (ряд наречий со значением уверенности употребляется в обоих произведениях: *obviously* (очевидно), *of course* (конечно), *clearly* (явно), *apparently* (по-видимому)). При этом женский нарратив Ника Хорнби несколько отличается от двух других его нарраторов как по набору вводных слов, выражающих уверенность, так и по частотности их использования. Следует отметить особое сходство мужского и детского нарративов: и в том и в другом наблюдается примерно равное количество вводных слов констатации и утверждения, вводных слов неуверенности. Более того, в случае с нарратором-мужчиной и нарратором-мальчиком можно проследить практически либо абсолютно одинаковую частотность употребления одних и тех же вводных слов: *obviously* (очевидно) (4 случая употребления у нарратора-мальчика и 3 – у нарратора-мужчины); *of course* (конечно) (6 и 5 случаев употребления соответственно); *surely* (несомненно) (дважды у нарратора-мальчика и один раз – у нарратора-мужчины); *probably* (возможно) (по 8 случаев у каждого); *maybe* (может быть) (12 случаев у каждого); *could be*; *might be* (может быть) (1 случай употребления у каждого).

Результаты нашего исследования приводятся в Таблице.

Итак, по итогам исследования можно наблюдать большую по сравнению с мужской речью степень эмоциональности женского нарратива, а также большую степень уверенности и рациональности мужской письменной речи. Подводя итоги анализа женского нарратива, созданного автором-мужчиной, можно сказать, что этот смешанный случай нельзя однозначно отнести к женскому или мужскому типу речи, поскольку здесь наблюдаются признаки как рациональности и логичности, так и достаточно высокой эмоциональности. Однако можно констатировать, что этот женский нарратив, созданный автором-мужчиной, по совокупности признаков все же тяготеет к мужскому нарративу. При сравнении этого «смешанного» типа нарратива с мужским и детским нарративами того же автора обнаружилось значительное сходство по ряду анализируемых аспектов, что дает определенное основание говорить об идиостиле автора. Более того, анализ двух нарраторов одного произведения (нарратора-мужчины и нарратора-мальчика) и выявленные при этом многочисленные сходства, выражающиеся в выборе лексических единиц и частотности их употребления, позволяют говорить о единстве стиля одного произведения.

Список литературы

1. Гомон Т. В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой: дисс. ... к.ю.н. М., 1990. 182 с.
2. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2010. № 4 (12). С. 24-32.
3. Кавинкина И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка [Электронный ресурс]: монография. URL: http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender (дата обращения: 25.06.2016).
4. Кирилина А. В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina.htm> (дата обращения: 30.06.2016).
5. Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной // Проблемы психолингвистики. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1975. С. 186-200.

6. **Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)** / отв. ред. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
7. **Ощенко Е. С.** Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 192 с.
8. **Contemporary British Stories.** Oxford: Perspective Publications, Ltd., 2005. 204 p.
9. **Hornby N.** About a Boy. L.: Penguin Books, 1998. 278 p.
10. **Hornby N.** How to Be Good. L.: Penguin Books, 2001. 244 p.

THE GENDER ASPECTS OF A NARRATOR'S LANGUAGE PERSONALITY (BY THE MATERIAL OF CONTEMPORARY BRITISH LITERARY WORKS)

Shaikhutdinova Anna Mikhailovna
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
Anny281@mail.ru

The article deals with the analysis of gender characteristics of a narrator's language personality. The attempt is made to reveal the peculiarities of the narrator's written speech while rendering it by an author of the opposite sex. It is found out that a female narrative, created by a man-writer, on the set of signs (in particular in the aspects of rationality and certainty), tends to the male type of speech; significant similarity of the male, female and childish narratives of the same author in the choice of lexical and syntactic means is revealed, that allows drawing a conclusion about the idiosyncrasy.

Key words and phrases: language personality; narrator; author; gender linguistics; male/female narrative.

УДК 811.161.1

Данная статья отражает результаты изучения системы словообразовательных типов имён существительных, которые благодаря своей словообразовательной структуре участвуют в выражении значения 'живое существо', т.е. составляют словообразовательное поле одушевлённости. Выводы о продуктивности словообразовательных типов делаются на основании данных «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика». В статье предлагается методика установления центра и периферии анализируемого словообразовательного поля.

Ключевые слова и фразы: языковое поле; структура словообразовательного поля одушевлённости; актуальная лексика XXI века; степень регулярности словообразовательного типа; продуктивные словообразовательные типы.

Шакар Решат

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
resatsakar@hotmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В исследованиях по лингвистике под полем обычно понимается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [19, с. 380]. Благодаря использованию методики полевой моделирования языковых подсистем удаётся разграничить и описать центральные и периферийные сегменты каждой из этих подсистем [3, с. 17-18]. В последней трети XX века была показана эффективность применения теории языкового поля к явлениям словообразования [23].

Словообразовательное поле одушевлённости как часть функционально-семантического поля одушевлённости-неодушевлённости является одной из малоизученных подсистем русского словообразования (см. подробнее [18; 32; 33; 34]). Нужно отметить, что начало комплексного изучения русских дериватов с точки зрения их способности выражать значение одушевлённости было положено в 1952 году В. В. Виноградовым. В академической «Грамматике русского языка» (переизданной в 1960 г. [9, с. 210-235]) и в первом университетском курсе русской морфологии [27, с. 96-110] В. В. Виноградов выделил несколько групп суффиксов, образующих названия лиц и животных. Эти словообразовательные форманты были отграничены от средств образования имен с предметным и отвлечённым значением.

Однако методика полевой моделирования словообразовательного материала В. В. Виноградовым не использовалась. В начале 50-х гг. её ещё не было, первый опыт подхода к русскому словообразованию с позиций языкового поля был предпринят лишь через 17 лет после указанных публикаций В. В. Виноградова. О. Г. Ревзина в своей книге «Структура словообразовательных полей в славянских языках» обосновала включение всех дериватов с личным и зоонимным значением (т.е. значением живого существа), выраженным деривационными суффиксами, в особое словообразовательное поле («поле деятеля», или поле одушевлённости) [23, с. 6].